

ИСТОКИ УЧЕНИЯ О ГИПНОТИЗМЕ

(фрагмент книги Дж. Б. Каттена «Три тысячи лет умственного исцеления», 1911)

Перевод с английского А. Э. Петросяна (2013)

Вероятно, никто не станет утверждать, что явления, ныне объединяемые под именем гипнотизма, не были известны до конца XVI века. Они такие же древние, как и сам человек, а может, и еще древнее, так как мы знаем, что некоторые из этих явлений встречаются и в животном мире. Зато можно смело говорить о том, что, хотя отдельные факты подобного рода были хорошо известны, особенно на Востоке, не встречалось попыток их научной систематизации и объяснения.

Как и в других областях науки, тут прослеживается постепенное развитие. Старая астрология толковала о влиянии звезд на людей, и ее учение воспринял великий врач Теофраст Парацельс (1490 – 1541). Но это была лишь часть

его убеждений. Он наделял человеческое тело двойным магнетизмом, который, с одной стороны, притягивает планеты и подпитывается ими, результатом чего выступают умственные способности, а с другой – притягивает и разъединяет элементы, что приводит к образованию тела. Он также заявлял, что магнетическая сила здоровых людей притягивает ослабленный магнетизм больных. И вполне естественно, что, придерживаясь этой теории животного магнетизма, он высоко ценил применение магнитов в лечении болезней. Эта двойственная теория магнетического лечения – магнетического влияния одних людей на других и самого магнита на человека – считалась общепринятой в течение более чем столетия и нашла своего позднейшего сторонника в лице Месмера.

Вслед за Парацельсом Глоцений, Бергрейв, Гелиноций, Роберт Флуд и Кирхер полагали, что магнит представляет собой универсальный принцип, с помощью которого можно объяснить все естественные явления. Этот принцип, функционируя в человеческом теле, оказывается важным фактором здоровья и болезней. Великий химик фон Гельмонт (1577 – 1644) уточнял, что в человеке живет сила, посредством которой он способен магнетически влиять на других и тем самым излечивать больного, более всего подвергшегося ее воздействию. Он опубликовал труд, посвященный действию магнетизма на человеческий скелет.

Примерно в то же время испанец Бальтасар Грациан смело провозгласил свои взгляды. «Магнит, - по его словам, - притягивает железо, которое можно найти повсюду; поэтому все подвержено влиянию магнетизма... Это та же сила, которая дает начало симпатии, антипатии и страстям». Батиста Порта (1543 – 1615), один из изобретателей мази для оружия [наносимой на клинок вместо самой раны], также верил в могущество магнита. Своей работой он так сильно воздействовал на воображение пациентов, что был лишен практики римским судом.

Себастьян Вирдиг, профессор медицины в университете Росток, Мекленбург, написал трактат «Новая медицина духа», который он представил Лондонскому королевскому обществу в 1673. Он утверждал, что магнетическое взаимодействие происходит не только между небесными и земными телами, но и между всеми живыми

существами. Весь мир находится под влиянием магнетизма: как жизнь охраняется им, так и смерть является его результатом.

Максвелл (1581 – 1640) придерживался во многом того же учения. Он был твердым сторонником симпатического лечения и постулировал некий жизненный дух Вселенной, который пронизывает все тела. Не исключено, что именно отсюда Месмер заимствовал свою идею универсального флюида. Однако, судя по всему, Максвелл отдавал себе отчет и в громадной роли воображения и внушения. Он говорил: «Если вы хотите совершать чудеса, отвлекитесь от материальности существ – увеличьте сумму духовности в телах и пробудите дух от дремоты. Если вам не удалось сделать что-то из этого и овладеть идеей, вы никогда не сумеете выполнить ничего благого или великого».

Примерно тогда же Сантанелли в Италии пропагандировал теорию универсального флюида. Все материальное обладает излучающей атмосферой, которая действует магнетически. И он также признавал огромное значение воображения.

Около 1771 года отец Гелл, иезуит и профессор астрономии в Венском университете, прославился своим магнетическим лечением. Он изобрел стальные пластинки особой формы, которые прикладывал к обнаженному телу в качестве средства от некоторых болезней. В 1774 г. он познакомил со своей системой Месмера – человека, который более, чем кто-либо, привлек внимание мира к изучению исцеления посредством воздействия на ум (умственного исцеления).

Характер Месмера оценивается по-разному и довольно часто порицается. Он питал слабость к демонстрациям, но был не более алчным, чем большинство людей, живших до и после него. Он был безусловно честен в своих научных изысканиях и взглядах, и это для нас главное.

Фридрих Антон Месмер (1733 – 1815) родился под Меерсбургом в Швабии и изучал медицину в Венском университете. Он взапой читал книги уже упомянутых авторов и заимствовал многое из их учений. Его оригинальность состояла, главным образом, в применении этого универсального принципа к больным посредством прикосновений и пассов, тогда как его предшественники вливали в них жизненный дух с помощью талисманов и магических шкатулок.

Месмер получил свою медицинскую степень в 1766 году и избрал в качестве предмета инаугурационной диссертации «Влияние планет при лечении болезней». В диссертации он утверждал, что «солнце, луна и неподвижные звезды взаимно влияют друг на друга на своих орбитах; что они вызывают и направляют на нашей Земле приливы и отливы не только на море, но и в атмосфере и воздействуют подобным образом на все организованные тела через посредство тонкого и подвижного флюида, который заполняет Вселенную и связывает все вещи воедино в их взаимодействии и гармонии». Это влияние, по его словам, сказывается в особенности на нервной системе и вызывает два состояния, которые он называл напряжением и расслаблением. Ему казалось, что они объясняют различные периодические кругообращения, наблюдаемые при некоторых заболеваниях.

Восемь лет спустя Месмер повстречал отца Гелла и, проведя несколько экспериментов, был озадачен собственными успехами. Некоторое время он продолжал работать с Геллом, но в конце концов они рассорились, и вскоре Месмер набрел на свою теорию животного магнетизма. В дальнейшем он больше не прибегал к магниту при лечении.

Академия наук в Берлине рассмотрела утверждения Месмера, но ее отчет был далеко не благоприятным. Не говоря уже о комплиментарности. Тем не менее, в письме другу из Вены он сообщал: «Я заметил, что магнетический флюид почти такой же, как и электрический, и что он может распространяться тем же способом –

посредством промежуточных тел. Сталь – не единственная субстанция, пригодная для этой цели. Я магнетизировал бумагу, хлеб, шерсть, шелк, камни, кожу, стекло, дерево, людей, собак – короче, все, к чему прикасался, - до такой степени, что эти субстанции вызывали у больных те же последствия, что и магнетит. Я заряжал банки магнетическим веществом таким же образом, как это делается с электричеством». В это же время Месмер был избран членом Баварской академии наук.

Покинув Вену и путешествуя по Швабии и Швейцарии, Месмер повстречал Гасснера и рассказал ему о некоторых способах лечения. Он настаивал, что исцеление достигается с помощью только что открытого им магнетизма. Месмер приехал в Париж в 1778 году и нашел, что этот город более восприимчив к его искусству. Для начала он обосновался в одном из скромных кварталов города и начал широко разъяснять свою теорию. В следующем году Месмер опубликовал работу, где он подытожил свои взгляды в двадцати семи принципах, которых строго придерживался в течение всей жизни. Его учение получило хороший прием и первоначальный импульс благодаря поддержке одного из ведущих медиков того времени Делона, личного врача графа д'Артуа.

Ученики и пациенты теперь стекались к Месмеру толпами. Поток их был столь велик, что для магнетизации у себя дома он даже нанял специального слугу, который дотрагивался до посетителей (*valet toucheur*). Но и этого было мало. Ему пришлось изобрести знаменитую бадью (*baquet*), вокруг которой могли одновременно магнетизироваться до тридцати человек. Она описывается следующим образом: «Круглая дубовая емкость, высотой около фута, помещалась в середине большого зала, завешенная плотными шторами, через которые мог проникать только мягкий и приглушенный свет; это была бадья. На дне емкости, на слое измельченного стекла и железных опилок симметрично располагались полные бутылки, так чтобы их горлышки были обращены к центру. Другие бутылки располагались в противоположном направлении, а их горлышки смотрели в сторону окружности. Все эти предметы погружались в воду, но это условие не было обязательным, и бадья в принципе могла быть и сухой. В крышке проделывалось определенное число отверстий, откуда выступали сочлененные и подвижные железные элементы, за которые должны были держаться пациенты. Поддерживалась абсолютная тишина. Пациенты располагались вокруг бадьи в несколько рядов, связываемые друг с другом веревками, пропущенными вокруг их тел, и второй цепью, образуемой соединенными руками».

Чтобы повысить эффект магнетического очарования, ему придавались дополнительные черты. «Богато разукрашенные стекла роняли тусклый религиозный свет на его просторные салоны, которые были увешаны зеркалами. Оранжевые цветы пропитывали своим ароматом весь воздух в его коридорах; ладан самых дорогих сортов курился в античных вазах на его каминных досках; золотые арфы издавали мелодичные звуки из дальних комнат; а иногда приятный женский голос сверху или снизу мягко прерывал мистическую тишину, которая соблюдалась в доме и требовалась от всех посетителей».

Байи, историк и прославленный астроном, очевидец, так описывает результаты. «Некоторые пациенты остаются невозмутимыми и не испытывают ничего, другие кашляют, отхаркивают мокроту, чувствуют легкую боль, местное или общее тепло, покрываются испариной; третьи возбуждены и мучаются в конвульсиях. Эти конвульсии примечательны своим количеством, продолжительностью и силой, и бывает, что тянутся более трех часов. Они характеризуются произвольными движениями, подергиваниями всех конечностей и во всем теле, спазмами в горле, судорогами в ипохондриальной и надчревной областях, помутнением и закатыванием

глаз, пронзительными криками, слезами, икотой и непрерывным смехом. Им предшествует или сопутствует состояние апатии или задумчивости, что-то вроде депрессии или даже ступор.

Малейший внезапный шум заставляет пациента начать, и было замечено, что на него действует изменение времени или настроения мелодии, исполняемой на фортепьяно; что его возбуждение усиливается более энергичным движением; и что его конвульсии становятся затем более интенсивными. Пациенты как бы поглощены друг другом; они носятся гурьбой, улыбаются, оживленно разговаривают и стараются видоизменить свои кризисы. Они столь покорны магнетизеру, что, даже когда пребывают, казалось бы, в ступоре, его голос, мимолетный взгляд или какой-то знак могут вывести их из этого состояния. Нельзя не признать, исходя из всех этих результатов, что какая-то великая сила действует на пациентов и овладевает ими, и что эта сила, похоже, находится в самом магнетизере.

Это конвульсивное состояние обозначается словом «кризис». Замечено, что многие женщины и некоторые мужчины подвержены такому кризису; что он возникает только по истечении двух или трех часов, и что, как только кто-то впадает в кризис, вскоре к нему последовательно присоединяются остальные.

Когда возбуждение переходит определенные пределы, пациенты перемещаются в комнату, обитую войлоком. Корсеты у женщин расшнуровываются, и они получают возможность биться головой об обитые стены, не причиняя себе никакого вреда». Вопреки этим мерам, тысячи людей были избавлены от своих недугов.

«Невозможно вообразить то ощущение», - говорит барон Дюпотэ, - «которое месмеровские эксперименты вызвали в Париже. Никакие теологические споры первых веков существования католической церкви не могут сравниться с ним по степени ожесточенности». Месмера называли шарлатаном, дураком и бесом, причем его друзья были в своей похвале столь же экстравагантны, как и недоброжелатели – в осуждении. После этих сильных волнений его жизнь во многом свелась к противостоянию с различными обществами, назначению комиссий, их расследованиям и отчетам.

По совету Делона Месмер обратился к медицинскому факультету с предложением отобрать двадцать четыре пациента, двенадцать из которых получили бы лечение в соответствии со старыми проверенными методами, а остальные двенадцать – магнетическое. При этом число исцелений следовало признать показателем действительности лечения. Факультет отклонил эти условия. Делон попросил своих коллег по факультету созвать общее собрание для рассмотрения вопроса. Под влиянием де Возесма собрание проявило к Делону враждебное отношение, осудило его и пригрозило ему исключением из перечня лицензированных врачей, если он не исправится.

Тогда Месмер написал Марии Антуанетте, запросив у правительства дома, землю и кругленькую сумму, что позволило бы без помех заниматься экспериментами. В конце концов правительство предложило ему содержание в 20000 франков и землю ордена Сен-Мишель с условием, что он совершит открытие в медицине и передаст его врачам, которых назовет король. Месмер отверг эти условия и покинул Париж.

Впоследствии Делона призывали отречься от животного магнетизма, но вместо этого тот лишь подогрел интерес к исследованиям. В 1784 году правительство назначило комиссию по изучению магнетизма, состоящую из членов медицинского факультета и Академии наук. В нее вошли Франклин, Лавуазье и Байи, причем последний был выбран докладчиком. Другой комиссии, составленной из членов Королевского медицинского общества, было поручено сделать ясное сообщение по тому же предмету. После экспериментирования в течение пяти месяцев первая комиссия представила два доклада – один открытый, а другой – тайный, - но ни один из

них не был благосклонным. Королевское медицинское общество представило свой доклад несколько дней спустя и выказало согласие с первой комиссией, если не считать особого мнения одного из членов комиссии Лорана де Жюсье, который опубликовал отдельный доклад более доброжелательного содержания. Суть докладов обеих комиссий сводилась к тому, что воображение, а не магнетизм отвечает за результаты.

Вскоре после того, как комиссии приступили к своей деятельности, Месмер вернулся в Париж по приглашению своих друзей, которые предложили открыть для него подписку на 10 тысяч луидоров. Она сразу же превысила первоначальную сумму на 140 тысяч франков. Он прибыл с осознанием того, что придется прочитать лекции и приоткрыть тайну животного магнетизма. Но лекций и секретов оказалось недостаточно. После доклада комиссии он уехал из Парижа и вернулся к себе на родину, где о нем мало что было слышно в течение остатка его жизни, которая завершилась в 1815 г.

Что бы ни говорили о самом Месмере, по-видимому, ни у кого нет никаких сомнений в честности наиболее знаменитого из его учеников маркиза де Пюисегюра, и именно ему мы обязаны следующим шагом вперед. Когда Месмер покинул Париж, маркиз уединился в своем поместье недалеко от Суасона и посвятил досуг магнетизации крестьян. Он магнетизировал своего садовника, юношу по имени Виктор, и после экспериментов над ним заявил, что в ходе сеансов Виктор выказывал удивительные способности к телепатии и ясновидению. Не имея возможности уделять внимание всем пациентам, обращавшимся к нему, он прибегнул к месмеровской идее магнетизации дерева. В деревенском парке был выбран вяз, вокруг которого на каменных скамьях рассаживались пациенты, как вокруг месмеровской бадьи.

Пюисегюр строго придерживался теории Месмера, а его собственный вклад состоял в обнаружении подобия между магнетизированным состоянием и сомнамбулизмом, так что он обозначил это состояние как «искусственный сомнамбулизм». Он также видоизменил условия индуцирования этого состояния, и простое прикосновение или устные приказы заменили бадью. Эффект поэтому оказывался мягче, и вместо истерии и сильных кризисов оно сопровождалось рыданиями, всхлипываниями и спазмами, а также мирным сном. Он осознал взаимосвязь между оператором и подопытным и амнезию при пробуждении, как и другие, ныне хорошо известные явления, но по-прежнему придерживался месмеровского учения об универсальном флюиде, который заполняет все тела – и в особенности человеческое. У этого флюида – электрическая природа, и человек способен демонстрировать и распространять его по своей воле.

В отличие от маркиза Пюисегюра, который использовал вяз под Суасоном, шевалье де Барбарен с успехом магнетизировал людей безо всяких приспособлений. Он садился у постели больного и молился о том, чтобы магнетизация оказалась возможной. Его усилия увенчивались успехом. Он утверждал, что эффект животного магнетизма вызывается простым усилием одной человеческой души, воздействующей на другую; и как только устанавливается эта связь, магнетизер в состоянии влиять на подопытного, невзирая на разделяющее их расстояние. Многие люди усвоили этот взгляд и стали называть себя барбаренистами по имени своего вождя. В Швеции и Германии их называли спиритуалистами, чтобы отличить от последователей де Пюисегюра, которые именовались эксперименталистами.

Примерно в это же время экспериментировал с магнетизмом и некий доктор из Лиона Пететен. После его смерти была опубликована написанная им работа, рассказывающая о каталепсии и переносе чувств. Многочисленные магнетические общества были созданы в важнейших городах Франции. В Страсбуре Общество

гармонии, состоящее из более чем полутора сотен членов, долгое время публиковало результаты своей работы. Однако революционные беспорядки и войны эпохи империи на годы задержали исследования магнетизма во Франции.

В Англии пришествие магнетизма, кажется, произошло около 1788 года. Тогда некий доктор Мейнанд, который был сначала учеником Месмера, а затем Делона, приехал в Бристоль и прочитал там публичные лекции по этому вопросу. Люди рядовые и состоятельные вскоре стали прибывать из различных городов, чтобы подвергнуться магнетизации или взять у него уроки. Впоследствии он оказался в Лондоне, где с тем же успехом привлекал и исцелял людей. Предмет возбуждал столь значительное любопытство, что некий человек по имени Холлоуэй прочитал курс лекций по животному магнетизму в Лондоне. Чтобы послушать его, собирались большие толпы, хотя плата составляла пять гиней за каждого ученика.

В нечто подобное ввязался и художник Лутенбург со своей женой. «Такова была одержимость людей стать свидетелями их странных манипуляций, - говорит Макей, - что временами свыше трех тысяч человек окружали их дом в Хаммерсмите, не удастаясь приема. А билеты продавались по цене от одной до трех гиней». Лутенбург стал впоследствии божественным целителем.

С 1789 по 1798 гг. магнетизм почти не привлекал к себе внимания в Англии. В конце этого периода янки из Коннектикута Бенджамин Дуглас Перкинс изобрел «металлический трактор». Общество друзей построило больницу, названную «Перкинсовским институтом», где все посетители могли магнетизироваться совершенно бесплатно.

Около 1786 г. животный магнетизм объявился в двух разных частях Германии – на верхнем Рейне и в Бремене. В это время Лафатер посетил Бремен и продемонстрировал там процесс магнетизации нескольким врачам. Бремен долго оставался средоточием нового учения и потому приобрел дурную репутацию. Тогда же это учение распространилось из Страсбура на прирейнские области. Активнее других в своих экспериментах были Бекманн из Карлсруэ, Гмелин из Хейлбронна и Пецольд из Дрездена. Вскоре оно охватило всю Германию. В 1789 г. Зелле из Берлина представил серию экспериментов, выполненных в больнице Шарите, в которых подтверждались некоторые из явлений, внушающих сомнение, но он отвергал сверхъестественное.

Несмотря на испытанное вначале неприятие, животный магнетизм процветал в Германии в течение первых двух десятилетий XIX века. В 1812 г. Прусское правительство направило Вольфарта к Месмеру во Фрауэнфельд для ознакомления с предметом. Он вернулся в Берлин горячим приверженцем Месмера и ввел магнетизм в практикуемое в больницах лечение. С этого момента магнетизм расцвел в Берлине так, что, как свидетельствует Вурм, берлинские врачи поставили памятник на могиле Месмера в Меерсбурге, а кандидаты теологии получали наставления по физиологии, патологии и лечению болезней с помощью живого магнетизма. Широко известный врач Корейф интересовался магнетизмом и часто применял его в лечебных целях. Магнетизм внедрялся повсюду, особенно в России и Дании. В Швейцарии и Италии его первоначально встретили с меньшим сочувствием, а в 1815 г. магнетические упражнения были полностью запрещены в Австрии.

В 1813 г. естествоиспытатель Делез опубликовал книгу под названием «Критическая история животного магнетизма». Как и его предшественники, он интересовался в основном терапевтическим значением магнетизма и настаивал, что вера необходима для эффективного лечения. По этой причине никакое доказательство невозможно. Он по-прежнему придерживался идеи о всепроникающей жидкости и настаивал, что глубина магнетического сна зависит от величины магнетического

заряда. Вскоре после появления книги Делеза интерес к животному магнетизму вырос, и возникли сразу несколько журналов, посвященных исключительно этому предмету.

Со смертью Месмера в 1815 г. завершился первый период в истории явлений, известных в качестве животного магнетизма. Вплоть до этого времени общепринятая теория основывалась на идее жизненного флюида, который пронизывает каждую вещь и каждого человека и посредством которого один человек влияет на другого. Второй период длился с 1815 г. по 1841 г., когда Брэйд открыл и сформулировал способ воздействия. Третий период простирался с 1841 г. по 1887 г., в течение которого проводилось тщательное научное изучение всего предмета, и гипнотизм стал восприниматься как средство исцеления. Я склонен постулировать и четвертый период – с 1887 г. по настоящее время, - ибо майеровская гипотеза подсознательного «Я», или теория подсознания, внесла большой вклад в учение о гипнотизме.

Второй период начался в 1814 – 1815 гг., когда аббат Фариа, прибыв из Индии в Париж, произвел публичные демонстрации и обнародовал некоторые результаты своих экспериментов. Он усаживал подопытных в кресло, с закрытыми глазами, а затем выкрикивал громким командным голосом: «Спать!». Фариа не производил манипуляций, и у него не было бадьи, но он гордился тем, что таким способом получил пять тысяч сомнамбул. Он полагал, что это состояние вызывается не какой-то неизвестной силой, а существует в самом подопытном. При этом он соглашался с общепринятой теорией в том, что все субъективно.

Вслед за Фариа проложили дорогу к учению о внушении Бертран и Нуазе, хотя они и склонялись к животному магнетизму. Эксперименты проводились в Центральной больнице в 1820 г., но позднее были запрещены. Благодаря вмешательству Фуассака в 1826 г. Медицинская академия назначила комиссию для изучения этого вопроса, а в 1831 г. был сделан доклад, признающий реальность этих явлений, и терапевтические эффекты получили публичное признание. В 1837 г. Академия создала другую комиссию для дальнейшего выяснения, так как предыдущая не вполне убедила ее членов. Доклад последней комиссии оказался по большей части отрицательным.

После этого Бурден младший, один из членов Академии, пообещал выплатить из собственных средств премию в размере трех тысяч франков любому, кто сумеет прочесть какой-то определенный текст в темноте без помощи зрения. Этот тест был призван подтвердить или опровергнуть существование животного магнетизма. В этом заключалась главная трудность того периода: вся полемика была перевернута, и эксперименты состояли в проверке ясновидения, переноса зрительного чувства и других мистических феноменов, вместо того чтобы оперировать состоянием как таковым. Это, конечно, существенно облегчало задачу противников месмеризма, но было промахом со стороны магнетизеров. Премия Бурдена так и не была выплачена, и в 1840 г. Дубль предложил Академии впредь не уделять никакого внимания животному магнетизму и считать вопрос полностью закрытым. Это была, конечно же, не справедливая и не научная, а весьма самонадеянная позиция.

В начале этого периода другая серия проверок проводилась в Германии, но после 1820 г. вера в магнетизм таяла все больше. Дольше всего она продержалась в Бремене и Гамбурге, где ее отстаивал Симерс. С 1830 по 1840 гг. главными сторонниками животного магнетизма в Баварии были Генслер и Эннемозер. По мере того, как представители науки отказывались от его изучения, их место занимали шарлатаны и мошенники, и на передний план выдвигалось сверхъестественное и оккультное, так что в 1840 г. предмету уделялось мало общего внимания.

Несмотря на усилия лондонских врачей Эллиотсона и Эшбернера, в этот период магнетизм не сумел обрести прочного положения в Англии. Тем не менее, проводились многочисленные исследования и издавались труды. Тауншенд, Скорсби и

Ли – В Англии того времени эти имена были на слуху в кругу тех, кто занимался этим предметом. Впрочем, в следующем периоде именно англичанин придал необходимый импульс дальнейшим исследованиям.

В 1841 г. французский магнетизер Лафонтен произвел несколько публичных демонстраций в Манчестере, которые привлекли внимание врача по имени Джеймс Брэйд. При его помощи животный магнетизм превратился в науку. Брэйд перенаправил проблему в ее собственное поле, сознательно обходя оккультное и мистическое и сосредоточиваясь на наблюдении и эксперименте. Именно он придумал для нас слово «гипнотизм». Будучи поначалу скептиком, Брэйд начал экспериментировать и доказал, что фиксация взгляда производит такое влияние на подопытного, что тот впадает в сон. Поэтому он полагал, что передача флюида оператором в этом деле не играет никакой роли.

Более того, Брэйд показал, что принятая установка приспособливает к себе чувствования подопытного, и глубина сна варьирует у разных людей и одного и того же человека в разное время. Он также заметил обострение чувств во время гипноза и то, что словесное внушение вызывает галлюцинации, эмоции, параличи и т. д. Терапия была тем, в чем он был, естественно, заинтересован, и его эксперименты по поводу различных болезней были многочисленными и ценными.

Брэйд совершил ряд ошибок, что было вполне объяснимо, но его открытия оказались столь уместными, а идеи – столь здравыми, что не могли не вызвать большого доверия. Вначале он считал гипнотизм (брэйдизм) идентичным животному магнетизму, но позднее ошибочно рассматривал их как аналоги, из-за чего те стали развиваться параллельно и независимо.

Животный магнетизм был завезен в Америку французом Шарлем Пуаном в 1836 г. Несколько лет спустя некий доктор Кольер прочитал лекции по этому вопросу в Новой Англии. Однако главным центром долгое время оставался Новый Орлеан. В 1848 г. Граймз, работая независимо, по существу, пришел к тем же выводам, что и Брэйд. Он показал, что многие из гипнотических явлений могут быть вызваны у некоторых подопытных в бодрствующем состоянии посредством словесного внушения. Эти явления стали известны под названием электробиологии. В 1850 г. Дарлинг поехал в Англию и представил там зоэлектробиологию, но вскоре ее идентифицировали с брэйдизмом. А в 1853 г. Дюранд де Гро, писавший под псевдонимом Филипс, продемонстрировал электробиологические явления в других странах, но привлек мало внимания.

Азам из Бордо и Брока из Парижа провели ряд экспериментов по методу Брейда и таким способом выполнили несколько безболезненных операций. У них нашлись многочисленные последователи во всех европейских странах и в Америке. В действительности интерес к предмету стал всеобщим, и чем больше узнавали о нем, тем меньше раздавалось возражений. Возникали общества по изучению гипнотизма, появлялись издания, целиком посвященные его освещению и обсуждению, и в этот третий период научная значимость учения все больше признавалась со стороны психологии, патологии и терапии.

В кратком изложении, подобном этому, было бы невозможно назвать даже ключевых экспериментаторов из разных стран, которые внесли свой вклад в течение этого периода. Но некоторые имена стоят особняком, и их нельзя не отметить, так как они по важности сопоставимы с брейдовским. Либо, чья книга «О сне» опубликована в 1886 г., был назван основателем терапии посредством внушения. Хотя внушение как в бодрствующем, так и в гипнотическом состояниях применялось задолго до Либо, именно он впервые систематически и методично продемонстрировал его значение. Мы обязаны ему и тем, что он поощрял изучение гипноза Бернхеймом и другими

выдающимися исследователями. Либо как глава нансийской школы был не менее известен, чем Шарко в Сальпетриере.

Шарко был неумолим в своих поисках, но его заключения уводились в сторону артефактами. Например, у гипнотических субъектов возникали три состояния, которые Шарко рассматривал как симптоматичные и характерные. Это каталепсия, летаргия и сомнамбулизм. Определенные физические раздражения (если, например, потереть кожу головы или подвергнуть глаз воздействию яркого света) представлялись ему достаточными для перехода подопытного из одного состояния в другое. Позже было показано, что не просто состояния каталепсии, летаргии и сомнамбулизма вызываются внушением; сами физические стимулы являются внушениями и знаками, с помощью которых подопытный узнает, что ожидается какое-то конкретное изменение, и в полном соответствии с гипнотическим действием ожидаемое изменение происходит. Не только Шарко совершал эту ошибку, но и некоторые его последователи из Сальпетриерской школы оставались в заблуждении еще годы спустя.

Вряд ли хотя бы один из выводов Шарко остается в силе. Однако Шарко был столь основателен в своих исследованиях и столь неумолим в экспериментах, что многие найденные им факты являются значительным вкладом в наше знание, даже если его теории уже отвергнуты. Бине, Фере и другие его последователи внесли большой вклад в науку и литературу по этому вопросу. Вторая половина этого периода сегодня нам хорошо известна, и поскольку имена, связанные с ним, узнаваемы, мне остается только упомянуть еще одно имя – того, кто открыл дверь в четвертый период, Майерса.

С самого начала Майерс был тесно связан с Обществом физических исследований и занимал там должности президента и секретаря. На последнем посту он находился вплоть до своей смерти в 1901 г. В 1887 г. он сформулировал теорию подсознательного «Я» и подсознания, которая постепенно получила признание, а ее достоинства – все более высокую оценку. Она была больше известна как «подсознательное «Я»» и «подсознание», чем под майеровским первоначальным названием и модифицировалась путем некоторых изъятий и добавлений, но сегодня является общепринятой, а ее развертывание помогло решить многие проблемы психопатологии. Однако нигде вклад этой теории не был столь значителен, как в области гипнотизма, так как с ее помощью это состояние получило частичное объяснение.

В течение нескольких лет Шарко и его последователи выдвигали физиологическую теорию гипнотизма, которая противопоставлялась учению нансийской школы, возглавляемой Либо, но еще при жизни Шарко признавал правомерность нансийских претензий, хотя те по-прежнему соперничали с его собственными. Мало кто поддерживает взгляды Шарко сегодня. Общая психологическая теория Нанси, которая основывает свои результаты на внушении, ныне является канонической, тогда как не очень отличающейся от нее теории животного магнетизма придерживаются некоторые из тех, кто воспринял спиритуалистическую гипотезу, – и прежде всего Майерс.

Гипнотизм сегодня считается продуктом длинной цепи ошибочных теорий и зигзагообразного развития, но зерна уже большей частью просеяны, а плевелы брошены на ветер старины. Его психологическая и терапевтическая ценность уже должным образом признана наукой.